

Виктор Иванович Бухаркин и его участие в литературном объединении «Маладняк»

Судьба моего прадеда Виктора Ивановича Бухаркина, малоизвестного участника литературного объединения «Маладняк», схожа с трагическими судьбами многих молодняковцев – жертв сталинских репрессий, так же как схожи сложные пути их творческих поисков в эпоху, когда обществу навязывалось партийно-классовое мышление.

Виктор Иванович Бухаркин родился 24 ноября 1898 г. в селе Лопуховка Вольского уезда Саратовской губернии в крестьянской старообрядческой семье. С 1914 по 1918 г. учится в Вольской учительской семинарии. В 1918 г. вступает в компартию, оставляет учебу в семинарии и несколько лет работает в родном крае в партийных должностях: агитатором на прифронтовой полосе, инструктором военкомата и секретарем Вольского уездного комитета [6, л. 104, 105, 105 об.].

В 1921 г. окончил философское отделение историко-филологического факультета Психологического института Московского госуниверситета. Служит в должности инструктора ЦК ВКП(б) в Москве и читает лекции по истории философии в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

С 1922 по 1929 г. В.И. Бухаркин живет и трудится в Белоруссии. С января по октябрь 1922 г. читает лекции в Центральной партийной школе Минска. С октября 1922 г. три года преподает курс политэкономии и обществоведения на рабочем факультете БГУ [12, л. 6; 16, с. 235], общественные дисциплины в педагогическом техникуме и на Высших белорусских педагогических курсах.

С октября 1925 г. в течение трех лет в Белорусской сельхозакадемии в Горках преподает исторический материализм [4, л. 26, 27]. Осенью 1928 г. возвращается в Минск, преподает в БГУ политэкономия и художественную

социологию на педагогическом факультете и политэкономии на вечернем отделении рабфака.

Осенью 1929 г. Виктор Иванович переезжает в Ростов-на-Дону и несколько месяцев работает в должности доцента на педагогическом факультете Северо-Кавказского государственного университета, преподает поэтику и методологию литературы и заведует литературным отделением [5, л. 21 об.].

Весной 1930 г. Бухаркин переезжает в Ленинград, где служит в должности старшего ученого хранителя и ученого секретаря Пушкинского Дома, а также внештатного доцента, а позже профессора филологического факультета Ленинградского государственного университета – преподает марксистское литературоведение, историю античной и западноевропейской литературы и заведует отделением западноевропейской литературы [13, л. 152; 15, л. 1–4; 18, л. 1 об.].

3 января 1935 г. В.И. Бухаркин был арестован, исключен из рядов компартии [14, л. 3], осужден «за принадлежность к контрреволюционной зиновьевской группе» к заключению в концлагерь сроком на 3 года в Магаданской области [1, л. 333а]. Его жена Софья Степановна (1899–1950; урожд. Жуковская) вместе с сыновьями Евгением (1924–1955) и Анатолием (1928–2013) добровольно отправилась за ним на Колыму, надеясь освободить мужа. Но 13 июля 1938 г. последовало осуждение его к лишению свободы на 10 лет за организацию им «троцкистско-вредительской террористической группы на прииске “Стахановец”». 6 августа 1938 г. он был очередной раз обвинен – как «активный участник контрреволюционной саботажнической группы» – и приговорен Тройкой НКВД к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение [9, л. 11–14]. В 1961 г. В.И. Бухаркин был реабилитирован.

Научное наследие В.И. Бухаркина включает шесть статей, четыре из которых опубликованы на белорусском языке (белорусским языком он не владел, работы переведены с русского), и небольшие заметки (1932–1933 гг.) в

факультетской газете Ленинградского госуниверситета (о марксистском литературоведении и об учебном процессе). Также сохранились конспекты лекций по западноевропейской литературе XVII в. и теории марксистского литературоведения, прочитанных им в 1933–1934 гг. в ЛГУ, записанных будущим академиком Г.М. Фридендером, в ту пору – студентом.

Работая в Белорусской сельхозакадемии, Виктор Иванович принимает участие в деятельности местной студии объединения «Аршанскі маладняк» [10, с. 22, 94; 11, с. 238]. В середине 1920-х гг. в Академии была активная общественная жизнь, библиотека проводила литературные вечера и конференции читателей; на кафедре белорусоведения преподавали такие творческие люди, как М. Горецкий и Ю. Гаврук [7, с. 31–32; 10, с. 76]. Есть упоминание о том, что в 1928 г. в заседании Горецкой студии Бухаркин выступает основным докладчиком в диспуте «О новом человеке» [2, с. 111]. В 1928 г. в седьмом номере журнала «Аршанскі маладняк» была опубликована его статья «Лірычны фэномэн» (С. 62–81), написанная на стыке литературоведения и психологии творчества. Не исключено, что создавалась она под влиянием книги С.О. Грузенберга «Психология творчества», вышедшей в Минске в 1923 г. И хотя Бухаркин пытается подвести исследование под идеологический базис, эта мысль в работе не получает развития; исследователя интересует прежде всего процесс создания лирического произведения, сложный путь лирического переживания, который проделывает авторское сознание – от вдохновения до техники литературного выражения. Он воспроизводит условные схемы лирического процесса на примере Пушкина, Некрасова и Маяковского, допуская, что данные схемы могут встречаться в разные эпохи.

В 1929 г. в журнале «Маладняк», когда одноименная организация уже была преобразована в БелАПП, публикуются три рецензии Бухаркина:

1) Марксізм і эклектыка (Пра артыкул Бязозкі «Пытанні сучаснага марксісцкага вивучэння літаратуры» – Узвышша. 1928. № 5–6) (№ 5–6. С. 117–133);

2) Літаратуразнаўчыя вопыты праф. Барычэўскага. Крытычны этуд (№ 10. С. 77–99);

3) Літаратуразнаўцы в БДзУ (№ 11–12. С. 196–206).

В этих работах Бухаркин в духе вульгарного социологизма, устанавливающего непосредственную зависимость литературного творчества от политико-экономических факторов, обличает «псевдомарксистский подход» в ряде научных произведений и программ учебных курсов БГУ, в частности критикует некоторых авторов журнала «Узвышша». Этим сведения об участии В.И. Бухаркина в литературных организациях Белоруссии исчерпываются.

Две статьи Бухаркина изданы во время его работы в Северо-Кавказском госуниверситете. Рецензия «О книге Ремарка “На Западном фронте без перемен”», опубликованная в 1929 г. в журнале «На под’еме» (№ 11. С. 82–90), раскрывает «мелкобуржуазную сущность» этого произведения. В статье «Социология поэмы. 1. Социология Эдды» (Известия Северо-Кавказского государственного университета. 1930. Т. 1 (18). С. 154–173; переизд.: Петербургские строфы: альм. СПб., 2020. С. 404–32) анализируется 1-й том древнескандинавского эпоса «Старшая Эдда» (в переводе С. Свириденко) с точки зрения так называемой «социологической поэтики», которая должна была вскрыть в художественной форме социальный базис.

При знакомстве со статьями Бухаркина и конспектом его лекций поражает эрудированность ученого, свободное ориентирование в мировой культуре, истории и философии; он рассуждает о таких малоизвестных явлениях, как египетско-вавилонские гимны, малайский и полинезийский театры; в рецензии на работы проф. Боричевского он дает целую панораму литературной эпохи, подробно анализируя историю появления сонета в разных литературах.

С одной стороны, Бухаркин как ученый движется в русле марксизма. С другой стороны, в некоторых его работах, даже самых идеологизированных,

акценты иногда сдвигаются на эстетический аспект произведения. Например, обличая в рецензии роман Ремарка «На Западном фронте без перемен» в его «социологической ограниченности», Бухаркин не может скрыть восторга от отдельных образов и сцен и подчеркивает высокую художественную значимость произведения. В «Социологии поэмы», восхищаясь «Старшей Эддой», он анализирует текст как сложную композиционно-стилистическую структуру на разных уровнях – метрики, строфики, тропов, фигур и т.д. [3, с. 399–400]. И здесь мы видим доминирование поэтики над социологией. И чем дальше, тем очевиднее, что Бухаркина занимал в большей мере текст как объект эстетический, нежели идеологический. Подобные отступления от партийно-классовой проблематики в сторону формального метода наблюдаем и в его лекциях по теории марксистско-ленинского литературоведения. Отчасти из-за этого его лекционный курс был признан «бракованным», после чего он уволился из университета [8, с. 1; 17, л. 50, 50 об.].

Все это наводит на мысль о том, что Бухаркин если и не осознавал ущербность марксистско-ленинского метода, то в начале 1930-х гг. приближался к пониманию этого. (Возможно, по этой причине, работая в ЛГУ, он не опубликовал ни одной статьи, не считая заметок в факультетской газете.) Подобно тому, как несколькими годами ранее молодняковцы, покидавшие объединение, познали, насколько ограничивают творчество идеологические рамки.

Конечно, в настоящее время статьи В.И. Бухаркина интересны не столько содержанием, сколько как историко-литературный факт. В своих работах, пытаясь безуспешно примирить вульгарный социологизм и формальный метод, Бухаркин (вольно или невольно) указывает на то, что литературоведу не обойтись без проникновения в тайны творческого процесса. И все это характеризует Бухаркина как неоднозначную фигуру в литературоведении.

Список литературы и источников

1. Архив УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Ед. хр. № П-59630.
2. Аршанскі маладняк. – 1928. № 7.
3. Бухаркина М. Виктор Иванович Бухаркин: Литературоведение как восхищение текстом // Петербургские строфы: альм. СПб., 2020. С. 393–401.
4. Государственный архив Могилевской области. Ф. 536. Оп. 2. Д. 67.
5. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 721.
6. Государственный архив Саратовской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1.
7. Записки Горецкого сельскохозяйственного института. 1928. Т. 6.
8. За пролетарские кадры. 1934. № 16 (66).
9. Информационный центр УМВД России по Магаданской области. Ед. хр. № Р-10594.
10. Ліўшыц У. Горацкая студыя «Аршанскага Маладняка» (1926–1928 гг.). Горкі, 2013.
11. Ліўшыц У. Літаратурныя раскопкі акадэмічнага «Парнаса»: літаратуразнаўчыя нарысы (да 180-годдзя Беларускай дзяржаўнай сельскагаспадарчай акадэміі). Горкі, 2020.
12. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 1071.
13. Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 16695.
15. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 4. Оп. 004. Д. 1322.
16. Труды Белорусского государственного университета. 1923. № 4–5.
17. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-1728. Оп. 1-51. Д. 404238/1.
18. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 328. Оп. 2. Д. 268.